

Пролог

До прорыва оставались считанные минуты. Нервное напряжение и жар июльского солнца высушивали глотки бойцов. Смерть медленно и неумолимо подкрадывалась к последнему оплоту «русской весны» — народному ополчению Донбасса.

На глазах у защитников Николаевки системой реактивного залпового огня «Град» был выжжен дотла соседний поселок. Еще недавно жилые районы сравнивались с землей, падали, как карточные домики. Такая же участь ждала Николаевку.

Украинская армия работала грамотно и беспристрастно, пуская в ход артиллерию, от которой было трудно укрыться даже в трехуровневых окопах. Превосходство противника было очевидным, но это не могло сломить дух людей, готовых отдать жизни за свои семьи, за свою Родину.

Нужна была перегруппировка. Это понимали как ополченцы, так и Стрелков. Вражеские танки и БТРы уже двигались в сторону укреплений,

в которых осталось всего лишь несколько бойцов, прикрывающих отход своих товарищей.

Один из ополченцев с пулеметом в руках выждал нужный момент и крикнул гранатометчику: «Пора. Стреляй!» Ответом ему была тишина. Боец обернулся и увидел на месте своего товарища лишь брошенное оружие. Разочарование внезапно было прервано оглушительным залпом из БТРа, пули которого прошили кирпичную баррикаду.

Воин остался один на один с врагом. Три его товарища покинули позиции и укрылись на обочине дороги. БТР был уже в пятидесяти метрах от пулеметчика и вновь начал стрелять, разбивая перед собой баррикады. Ополченец злился на себя за бессилие перед бронетехникой противника. Он знал, что это конец и что пути назад нет.

Безысходность... Безысходность рождает героев. Все мосты были сожжены, и боец, дождавшись завершения стрельбы вражеской машины, выскочил из укрытия и поднялся в полный рост. Не было страха в глазах, воспоминания о прошлой мирной жизни остались где-то далеко; неясно, где теперь проходит грань между реальностью и нереальностью. Няяву остались

лишь два противника — БТР и Человек. Собрал всю свою волю в кулак, боец надавил спуск пулемета, стреляя в упор со всей человеческой яростью.

Человек против машины... Пули рикошетили от брони, едва царапая обшивку, но человек знал, что не отпустит курок, пока из ствола не выйдет последний патрон. Холодная ярость пронизывала каждую клетку тела, затмевая в голове всё, кроме одной мысли: что дома осталась семья, к которой нужно вернуться. Последняя пуля угодила в броню. Это могло означать только одно — конец... Пулеметное дуло уже двигалось в направлении храброго бойца, который один на один вышел против вражеского БТРа. Воина, который без страха смотрел смерти в глаза. Мужчины, который восстал против системы. Советского человека с позывным «Матрос»...

Глава 1

Жизнь от смерти отделяет лишь мгновение. Шальная пуля, случайная мина, небольшой осколок разорвавшегося снаряда — и конец войны уже никогда не увидеть. Кто-то, не имея военного опыта, прощался с жизнью, готовясь к атаке, а кто-то, не зная того, попал в прицел снайпера во время высадки на блокпост.

Матрос понимал, что у него всего лишь одна жизнь и один шанс. Права на ошибку не было, но как раз в этот момент дуло пулемета повернулось в его сторону.

Время остановилось. Все вокруг перестало иметь значение. Дрожь в ногах сменилась удивительным спокойствием, а сознание никогда еще не было столь ясным. Даже если бы боец мог выпрыгнуть из укрытия на несколько метров вправо или влево, это не спасло бы его: пулемет БТРа настиг бы в одно мгновение прицельным выстрелом.

Раздалась очередь. Звук был невообразимо страшным, особенно для того, кто слышал его впервые. Но все произошло так быстро, что

боец не успел испугаться. Его взгляд упал на небольшое углубление теплотрассы. Оно могло бы стать для него спасением. Громкий взрыв, от которого сердце ушло в пятки, рывок — и Матрос мгновенно очутился в спасительном окопчике. В мирной жизни он наверняка бы переломал себе обе руки, но сейчас инстинкт выживания затмевал разум, в экстремальной ситуации проявились необыкновенные способности. Матрос, очутившись в неожиданном убежище, посмотрел через отверстие теплотрассы на пулемет БТРа, направленный на него.

Только бы не кинули гранату...

Боец осознавал, что жить, возможно, оставалось недолго. От этой мысли на коже выступил холодный пот. Хотелось исчезнуть, испариться, оказаться где угодно, но только не здесь. Было страшно... И вдруг внутри, где-то за грудиной родилась отчаянная мысль: «Заберу с собой столько, сколько смогу!»

Прошла всего минута, может, две, но Матросу казалось, что он пролежал с пальцем на курке больше часа.

Боец прислушивался к каждому звуку, но шум колес постепенно удалялся, слышался уже вдали. Никто не подошел проверить, жив он или нет. Колонна техники прошла мимо. Опол-

ченец понимал, что уже можно выбираться из укрытия, но тело было слишком тяжелым, чтобы сделать хотя бы малейшее движение.

— Матрос, ты живой? — с удивлением и радостью выкрикнул один из бойцов, который успел спрятаться на обочине.

Удивление товарища было понятным: на месте, где еще пару минут назад стояла баррикада, остались лишь пыль и кирпичная крошка.

«Удача», — подумал Матрос и спросил:

— А Дизель где?

— Вон он, у обочины.

— Матрос! Живой! — кричал напарник.

— Нужно отходить. Где командир?

— Мачете на другой позиции.

Времени оставалось мало, и, не теряя ни минуты, трое бойцов выдвинулись на позиции командира. Матрос не хотел отступить, как и каждый, кто тут находился, но обстоятельства складывались не в их пользу.

«Внуки победителей Великой Отечественной войны — и должны отступить!..» — терзала Матроса тяжелая мысль.

Он так глубоко погрузился в себя, что не заметил подбежавшего командира. На лице того отражалась неподдельная тревога.

— Вы трое, берите тех пятерых, что за мной, и идите на возвышенность. Туда колонна техники движется. Гранатометы не сработали, придется бить их пулеметами.

«Снова», — подумал Матрос.

Меньше десятка бойцов выстроились по флангу в окопах вдоль дороги. Окопы были вырыты таким образом, что для орудий бронетехники ополченцы были вне зоны досягаемости, но при этом могли вести прицельный огонь.

Тревога... Бездонная тревога наполняла сердца восставших. В тот вечер царили полнейший хаос и неорганизованность. Кроме стрелкового оружия, которого и так было мало, ополченцы не могли противопоставить украинской армии ровным счетом ничего.

Николаевка была почти потеряна. Бойцам был отдан приказ отступать на высоту к своим сразу же после того, как отстреляют последние патроны по колонне.

Матрос перезарядил пулемет и приготовился к еще одной обороне. Это было безумием, но еще большим безумием было бы ничего не предпринимать.

Колонна уже заходила на трассу. Шквальный огонь, словно проливной дождь, зазвенел об

металл. Вражеские пулеметы стреляли по бойцам сопротивления, но пули пролетали выше над головами, издавая страшный свист.

Каждый удерживал свой курок из последних сил. Пули царапали броню и рикошетили, словно мяч от стены. Бессилие... Бессилие и обреченность охватывали защитников, которые видели, что враг уже повсюду. Бессилие и обреченность шептали им, что это конец. И лишь голос совести, голос прадедов, отстоявших свою землю, из глубины веков кричал им: «Нет, это не конец, это только начало...»

Колонна прошла, почти не тронутая снарядами, а бойцы отправились на высоту, чтобы попытаться дать отпор войскам киевского режима.

28

— Брат, можешь идти? — крикнул Матрос, увидев, что у Дизеля из ноги сочится кровь.

— Смогу, — ответил воин, не чувствующий ничего из-за болевого шока.

На высоте почти никого не было. Лишь трое сидели в окопах, и поникшие взгляды говорили о том, что на них не стоит рассчитывать в этом бою. Бойцы рассредоточились по периметру, пытались сохранять спокойствие, но почти каждого выдавал суетливый взгляд.

— Будем стоять до конца! — сказал Матрос.

— До конца, брат, — согласился Дизель.

Они не успели договорить: издалека слышались пулеметные очереди, пробивавшие насквозь «броню» из мешков с песком.

Матрос занял позицию и начал вести хаотичный огонь в ответ, наблюдая за техникой в зоне досягаемости. Дизель отошел левее и отстреливался из подствольного гранатомета, нанося врагу едва видимый урон.

Бойцы, которые ранее были на высоте, спрятались на дне окопа и молили Бога о спасении. С каждой автоматной очередью они все больше вжимались в землю, пока один из них со слезами на глазах не выкрикнул:

— Хватит! Не надо стрелять. Иначе они увидят, откуда огонь, и придут прямо сюда.

— Не стреляй! — попросил другой.

Матрос увидел в глазах этого человека беспросветный страх. Страх смерти. Страх быть убитым. Ему было больно смотреть на такую слабость, но в его взгляде не было осуждения. Не каждый был готов к этой войне. И тем более не каждый был готов умереть.

Боец вернулся к своей работе, безжалостно посылая пули врагу. Сломавшиеся бойцы, бросая оружие, покидали позиции. Матрос отстре-

лял очередной магазин и посмотрел по сторонам. На высоте остался только раненый Дизель.

— В порядке?

— Живой, — ответил Дизель.

«Что теперь делать?» — подумал Матрос.

Вдвоем держать высоту было подобно самоубийству. Пули не долетали до врага, а если и достигали цели, то не поражали ее. Враг наступал, оставляя за собой лишь пепел вчерашней мирной жизни.

К счастью для бойцов, на высоту прибежал Мачете:

— Все! Отходим! — крикнул он. — Позади вас кто-то еще есть?

— Не знаю, — сказал Дизель, — может быть.

— Понял. Тогда ждите остальных. Будете прикрывать отход. Сюда стягивается вся их техника. Мы не выстоим.

Матрос опустил глаза, на секунду подумав, что его затея с войной была ошибкой, но в ту же самую секунду больно прикусил себе губу за такую мысль.

— Если никого не будет — тоже отходите. К супермаркету.

— Да мы не местные. К какому супермаркету? — спросил Дизель.

— Он там один. Разберетесь, — сказал Мачете и уже собрался уходить. А потом добавил:

— Удачи, мужики!

Матрос очень злился. Он злился на превосходство противника, на расхлябанность командования, злился на себя, потому что мало что мог сделать в данной ситуации. Но...

«Стоять — значит стоять!»

Бойцы стояли на высоте еще около часа, наблюдая, как вражеские танки появляются на горизонте и становятся реальной угрозой для жизни.

— Высоту окружают.

— Вижу, — подтвердил Матрос.

Дым от горящих домов поселка застилал и небо, и местность вокруг, мешая видеть приближающегося врага. Уже подкрадывалась ночь. Она бесцеремонно забирала свет, оставляя за собой лишь мрак.

«Как будто в аду», — подумал Матрос.

— Мы уже больше часа стоим. Если никто не пришел до этого момента, то уже вряд ли придет. Нужно отходить к магазину, — объявил Дизель.

— Я без понятия, где он.

— Я тоже, брат. Но надо уходить.

— Иди. Я за тобой следом.

В руках у Матроса был пулемет, и желания отступить не было. Он хотел побежать на танки и лично задушить каждого, кто пришел на его землю, чтобы убивать. В груди чувствовалась ноющая боль, нужно было ломать себя. Нужно остановиться и сдержаться сейчас, чтобы нанести удар, когда придет время.

Матрос смирился со своим положением, повесил пулемет на плечо и взял автомат, брошенный одним из бойцов. Он развернулся, чтобы направиться к Дизелю, который уже изрядно прихрамывал, но в этот самый момент за его спиной раздался звонкий выстрел танка.

Тот, кто однажды услышал звук стреляющего танка, никогда не спутает его с чем-то другим. Для Матроса это был «дебют». Ополченец слегка дернулся на звук. Он даже не представлял, что могло бы произойти в следующую секунду. Рассекая воздух со страшным свистом, снаряд угодил в пятиэтажный дом, стоящий на высоте.

Матросу показалось, что пространство сжалось и превратилось в сферу размером с грузовую машину. Немного запоздавший жуткий грохот пытался догнать сильную ударную волну,

которая снесла бойца с ног. Это была его первая контузия.

Боец упал и не мог понять, что происходит. В десятке метров от него рушилось огромное здание. Пятиэтажный дом, словно не имея опор, осел до самого своего основания, поднимая вокруг облако пыли.

Матрос пытался прийти в себя, но чувствовал лишь сильную тошноту и желание сбежать от жуткого звона в голове.

— Матрос! Ты живой? — не на шутку испугался Дизель, который уже второй раз за этот день заочно похоронил своего товарища. — Я думал, что все. Крышка.

— Живой, — почти неразборчиво пробормотал Матрос, пытаясь открыть глаза.

— Давай. Выкарабкивайся. Надо выбираться отсюда.

— Секунду. Дай еще полежать немного, — уже более внятно произнес боец.

Голова шла кругом. Ночь была близко, а вечерние сумерки уже растворялись во мгле. Остаться на месте было нельзя. Преодолевая тошноту, Матрос встал на ноги, глубоко вдохнул и попытался оценить ситуацию. Никто из них не знал, как выбираться отсюда, по-

этому было принято решение двигаться в сторону города в надежде встретить кого-то из своих.

Горящие руины Николаевки освещали путь. Вокруг была тишина. Бойцы спускались с высоты и видели, как украинские танки замыкали кольцо, из которого скоро будет невозможно выбраться.

Через сто или двести метров медленной ходьбы по выжженной земле у Дизеля подвернулась раненая нога, и это могло значить лишь одно — дальше своим ходом он идти не сможет. Матрос понимал, что сам бы он выбрался гораздо быстрее, но у него не возникло даже и мысли о том, чтобы оставить раненого товарища. Автомат перекинут через плечо, левая рука поддерживает боевого друга, а правая намертво обхватила пулемет. В любой момент Матрос был готов вступить в бой.

Боец не чувствовал ни усталости, ни боли, хоть и понимал, что в своей прошлой жизни он не выдержал бы и десятую часть тех испытаний, которые выпали на его долю сейчас.

«Никогда не подумал бы, что в сорок шесть лет придется брать в руки оружие и смотреть, как в тебя стреляет танк».